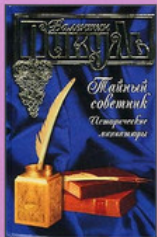

Валентин Пикуль

Гусар на верблюде

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль

Гусар на верблюде

Серия «Тайный советник», книга 47

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164224

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Шли годы, но я не забывал о Булатовиче, не в силах совместить воедино баловня аристократического Петербурга с его распрями на святой Горе. Наконец, выяснил, что за год до революции Булатовича нашли убитым выстрелом в спину в своем имении на Украине. Но... опять «но», все запутывающее. По другим известиям, Булатовича видели в Одессе 1918 года, живым и невредимым, а куда он потом делся – это вы можете гадать, сколько вашей душеньке угодно.

– Не человек, а какая-то загадка, – говорил я тогда...»

Валентин Пикуль

Гусар на верблюде

Однажды, листая русскую периодику за 1916 год, я увидел статью некоего А. К. Булатовича «Моя борьба с имяборцами на святой Горе» (то есть на Афоне). Статья тогда не заинтересовала меня, но в памяти надолго отложилось имя автора:

– Александр Ксаверьевич Булатович!

«Наверное, какой-нибудь монах, не умеющий ладить с владыками церкви», – легкомысленно решил я тогда. Но представьте мое удивление, когда имя этого человека я встречаю в справочной литературе: 1870 год рождения означен лишь приблизительно, а дата его смерти в 1910 году оставалась под знаком вопроса. Наконец, листая подшивку журнала «Искры» за 1913 год, я вдруг обнаруживаю портрет красавца гусара, помещенный во весь разворот громадной страницы, внизу которой написано: «А. К. БУЛАТОВИЧ, герой аристократического Петербурга». Понятно, что через три года после смерти в энциклопедии не мог же он сделаться героем высшего света столицы... Тут что-то не так!

– Кто знает Булатовича? – спрашивал я друзей.

– Мы не знаем, но будем ждать рассказа от тебя.

– Увы! – отвечал я. – В своей персональной картотеке я отыскал лишь его сестру Наталью, умерла она «смолянкой» еще до выпуска из института. А вторая сестра Мария Кса-

верьевна, княгиня Орбелиани, доньне проживает в Канаде. Эти Булатовичи – харьковские уроженцы. Вот и все, что мне известно...

Шли годы, но я не забывал о Булатовиче, не в силах совместить воедино баловня аристократического Петербурга с его распрями на святой Горе. Наконец, выяснил, что за год до революции Булатовича нашли убитым выстрелом в спину (!) в своем имении на Украине. Но... опять «но», все запутывающее. По другим известиям, Булатовича видели в Одессе 1918 года, живым и невредимым, а куда он потом делся – это вы можете гадать, сколько вашей душеньке угодно.

– Не человек, а какая-то загадка, – говорил я тогда.

Догадываетесь, как я обрадовался, раздобыв солидную книгу самого А. К. Булатовича «С войсками Менелика II», изданную в Петербурге в 1900 году; на обороте титульного листа имелась отметка: «Печатано по распоряжению Военно-Ученого Комитета Главн. Штаба». Я мог бы на этом и смирить свое любопытство, если бы мне не подсказали, что имя Булатовича до сих пор пользуется народным почетом в Абиссинии, как тогда называли нынешнюю Эфиопию... Вот тут я возмутился! Почему, черт побери, русских людей помнят за рубежом, а у себя дома их позабыли столь прочно, будто их никогда не существовало? Я уж молчу о Европе, но вся Азия, даже Африка тоже наполнены русскими именами, произнося которые, тамошние жители с уважением снимают шляпы... Нельзя нам забывать о Булатовиче!

Сто лет назад Харьков оставался еще провинцией, но славился своим университетом. Безжалостная статистика скрупулезно подсчитала, что к началу XX века квартир с клозетами в городе было 1109, а ванны имела лишь 321 семья. В этом городе проживала вдова безвестного полковника, которой, я так думаю, было не очень-то легко управиться со своим Санечкой – еще гимназистом.

– Почему ты не желаешь быть как все? – упрекала она сына. – Почему я должна каждый день трястись от страха, что мой сыночек опять выкинет какой-нибудь фокус?

Саша Булатович отвечал матери обстоятельно:

– Если мне дана жизнь, я не желаю шляться по тропинкам, уже проторенным до меня, ибо это, мамочка, очень скучно.

– Вот свернешь себе шею, – предрекала мама.

– Зато я не буду похожим на всех других...

По опыту собственной жизни я, автор, извещен в непреложной истине: человек, если хочет что-то сделать, обязан ставить перед собой непосильные цели – только в этом случае он сделает намного больше других! Если же он будет беречь себя, выполняя лишь «норму», как все, то после него мало что останется... Булатович еще с гимназической скамьи ставил перед собой непомерные задачи, чтобы преодолеть непосильные трудности. Даже в мелочах он все доводил до крайности: на уроках гимнастики отжимался на руках больше всего класса, а домашнее сочинение, на которое отводился месяц, писал за одну ночь. На выпускном торже-

стве педагога прочили Булатовичу дорогу в университет без экзаменов, но он поверг их в удивление.

– Нет! – заявил юнец. – Я решил все иначе и завершу образование в Александровском лицее, где со времен Пушкина свято хранились традиции культа высокой грамотности.

Директор гимназии отвел Булатовича в сторонку:

– Пожалейте свою бедную мать, у которой нет денег на ваши сумасбродства. Разве ваши предки внесены в «Бархатную Книгу»? Или вы надеетесь на знатную родню в Петербурге?

– Знатной родни в столице я не имею.

– А матушка разве богата, чтобы платить за подготовку в пансионе, которая обходится в четыреста пятьдесят рублей, не давая никаких гарантий для поступления в Лицей?

– Я надеюсь только на собственные знания.

Вот и Петербург! Перед грозным синклитом экзаменаторов Булатович держал себя так, будто от самой колыбели предназначен судьбой в лицеисты, и был принят в числе самых первых. Впрочем, со времен Пушкина в Лицее многое изменилось, и в его дортуарах порхали уже не священные музы, а летала на помеле злостная ведьма карьеризма. Лицеисты со знанием дела судили о выгодах «сидения» в различных департаментах, с толком перебирали столичных девиц на выданье, имевших большое приданое, чтобы с места в карьер заложить основы благополучия... В 1891 году лицейская пора миновала. Но при вручении дипломов повто-

рилась та же примерно история, что и в харьковской гимназии. Булатович вдруг заявил, что от диплома отказывается:

– Мне карьера чиновника ненавистна, и потому прошу определить меня в... гусары! Но я непременно желаю начинать службу с рядовых, таков уж мой дурацкий характер.

Из рядовых он быстро выслужился в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка и закачался в седле под мотив старинной гусарской мелодии, принесенной с берегов польской Вислы:

Гусары, гусары – малеваны дети,
Каждая паненка за вами полети...

Русских гусар издавна оведала романтика военной славы, а какое женское сердце не вздрагивало, когда являлся гусар, красивый и статный, весь в золотых бранденбурах на груди, при сабле и ментике через плечо, умеющий пировать и всегда готовый к атаке. Да, все было в жизни корнета – и восхищенные взоры женщин, и дуэли на сумрачных рассветах, и кутежи с ящиками выпитого шампанского, и безумные ночи напролет под надрывное пение недотрог-цыганок. Корнет Булатович («знаменитый Сашка», как гласила о нем светская хроника) обрел славу лихого наездника, брал первые призы на скачках «чизл-степп» в Царском Селе, а вечерами с треском распечатывал колоду карт:

– Господа, не пора ли всем нам испытать судьбу?..

Но судьба сама испытывала его. Булатовича уже не тешили призывные взоры красавиц, не соблазняли золотые жетоны, полученные на ипподромных скачках со взятием барьеров. Пришло время передернуть карту судьбы, чтобы не быть похожим на всех. Военный министр Ванновский получил от «знаменитого Сашки» прошение, чтобы его включили в состав отряда Красного Креста, отъезжавшего на помощь народу Абиссинии (Эфиопии).

Ванновский, уже старик, пожелал видеть юного гусара:

– Корнет, объясните свое поведение. Что вы там собираетесь делать? Или у вас имеется медицинское образование?

– Я не врач, – отвечал Булатович, – и согласен довольствоваться ролью санитаря. Для того заранее изучаю медицину.

– Из лейб-гвардии в санитары? – не поверил министр.

– Я уже давал воинскую присягу и полагаю, этого вполне достаточно, дабы оставаться честным человеком, а русский гусар обязан приходить на помощь во всем слабым и беззащитным...

Победа при Адуа! Как мы гордимся битвою при Полтаве, а немцы гордятся Седаном, так абиссинцы-эфиопы славились сражением при Адуа, удивившим весь мир. Босоногая армия негуса Менелика, вооруженная луками и стрелами, учинила разгром итальянской армии, и в Европе политики поняли, что – нет! – не вся Африка им покорна.

Это случилось в 1896 году. После битвы при Адуа в Ад-

дис-Абебе скопилось множество раненых, а лечить их было некому. Менелик II просил помощи у Петербурга, и он послал миссию Красного Креста, а чисто медицинская помощь России имела значение военно-политическое. Но еще в пути русская миссия известилась, что итальянцы, обозленные своим поражением, не позволяют ей высадиться в африканском порту Массауа; зато французы сами предложили свой порт Джибути. Булатович, проявив эрудицию, говорил врачам:

– Все бы ничего, но от Джибути до Аддис-Абебы еще четыреста миль пустыни, и – никаких дорог! Наконец, вот-вот начнется сезон дождей, а это вам не русский грибной дождичек, местные ливни в горах смывают путников в пропасти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.